

Глава 40: Лотосы Расцветают с Каждым Шагом

В отличие от Цзи Сяо или Гуйцин Чжэньжэня с Озера Миньюэ, Ху Сы вовсе не походил на святого.

Самые первые слова, которые он произнес в адрес мира культивации после достижения святости, ничем не отличались от того, как простолудин, распахнув окно на улице, кричит соседу приветствие.

Мэн Сюэли почувствовал непреодолимое желание уйти, но заставил себя остаться.

Мутный облачный корабль долго хранил молчание. Люди подняли головы, вглядываясь в «алое облако» над головой — багровый сокровищный корабль владыки Великого Царства Тяньху.

Внезапно с неба сошел свежий ветерок, рассеяв пыль и мгновенно очистив небеса.

Обретя наконец открытый обзор, Мэн Сюэли окинул взглядом бесчисленные летательные суда в воздухе, а затем посмотрел вниз, на просторные, волнистые дюны и бесконечную пустыню Гоби. Ханьхай оправдывал свою репутацию.

Ропот изумления пронесся по толпе. С борта багрового корабля развернулось несколько прядей белого шелка, и две стройные фигуры грациозно спустились, дрейфуя, словно небесные девы, несущиеся с ветром, пока они приближались к облачному кораблю Хань Шаня.

Две сногшибательные женщины были любимыми наложницами Хозяина Озера Тяньху. Ту, что в синем, звали Чуньшуй (Вешняя Вода), а ту, что в зеленом — Цюгуан (Осеннее Сияние).

Чуньшуй была нежной и безмятежной, в то время как Цюгуан — яркой и живой. Для посторонних они выглядели как божественные супруги, воплощая элегантность и очарование. Владыка Царства обладал обеими, обнимая по одной в каждой руке — как он мог быть недоволен?

Однако Мэн Сюэли не мог не подумать, что, учитывая пристрастие Ху Сы к темно-красным внутренним одеяниям, они втроем — один красный, один зеленый, один синий — должны составлять довольно кричащее зрелище.

Две женщины приземлились на палубу, их взгляды были непоколебимы, когда они направились прямо к Мэн Сюэли.

«Владыка Царства приглашает Старейшину Мэна подняться на борт для частной беседы».

Мастер Пика Цзыюнь вышла вперед, слегка прикрывая собой Мэн Сюэли. «Феи, могу я узнать,

какой срочный вопрос желает обсудить Владыка Царства?»

Преграждать им путь таким образом можно было счесть неуважением, но перед столькими свидетелями никто не мог просто так забрать ученика Хань Шаня без надлежащего объяснения.

Чуньшуй промолчала, но более откровенная Цюгуан громко заговорила:

«Конечно, это важное дело. Перед тем как Меч Сюань ушел из жизни, он оставил подарок своему юному дао-спутнику — пару зачарованных артефактов. Один называется ‘Уставший от Дождя’, а другой — ‘Утомленный Ветром’. Старейшина Мэн, вы, должно быть, знаете о них...»

Ее голос прозвучал четко и ясно, распространившись на расстояние. Прежде чем ошеломленный Мэн Сюэли смог даже произнести: «Я не знаю», она уже продолжила:

«Это дело великой важности. Пожалуйста, поднимитесь на борт, чтобы мы могли это обсудить».

Выражения лиц окружающих были разнообразны.

Мэн Сюэли слегка нахмурился. Что за «Уставший от Дождя» и «Утомленный Ветром»? Разве подарками Меча Сюань не были «Сотни Поколений Времени», хранящиеся в Хэнтоне Цзюйюане? Как они оказались в руках Ху Сы?

Он сказал: «Я не умею летать на мече, я не смогу подняться туда».

На данный момент эта высота была самой большой, которую мог достичь облачный корабль Хань Шаня.

В небе раздался смех.

У ног Мэн Сюэли расцвел огромный красный лотос, его слоистые лепестки развернулись, словно сгусток мерцающего пламени.

Все взгляды были прикованы к этой сцене. Всего лишь мысль призвала нечто из ниоткуда — это была божественная способность Святого.

Мэн Сюэли шагнул вперед, и под ним расцвел еще один лотос. С каждым шагом впереди распускался новый красный лотос, в то время как старые увядали за ним, образуя лестницу, которая несла его прямо в облака.

Все были поражены. Божественная способность такого калибра, использованная с такой целью? Но с другой стороны, Хозяин Озера Тяньху был именно тем человеком, который мог совершить подобное.

Некоторые задавались вопросом — не беспокоит ли Мэн Сюэли, что такое экстравагантное проявление может быть для него слишком обременительным, уменьшая его удачу?

Мэн Сюэли, однако, больше беспокоился о том, что произойдет, если Ху Сы внезапно отзовет свою силу, оставив его падать с такой высоты. Как он скорректирует свою позу в воздухе, чтобы безопасно приземлиться?

Алый сокровищный корабль сиял, словно восходящее солнце, окутанный туманом и сияющими облаками — захватывающее дух зрелище.

Чуньшуй и Цюгуан взлетели по его бокам, сопровождая его на корабль.

Корабль был огромен, его интерьер был выстлан пространственными формациями, делаая его обширным, как внутренний двор. Мэн Сюэли следовал за двумя женщинами по коридорам и лестницам, пока они не прибыли в тихую комнату.

Воздух внутри был густым от ароматного дыма — не обычного сандалового благовония, используемого культиваторами для медитации, а чего-то более насыщенного и экзотического, похожего на полуночное цветение призрачной орхидеи. Пройдя по прохладным бамбуковым циновкам, миновав слои марлевых занавесей, они наконец добрались до Ху Сы.

Хозяин Озера Тяньху сидел, скрестив ноги, на медитационной подушке перед чайным сервизом, облаченный в простое одеяние для приема гостей. Он заваривал чай со спокойствием и неторопливостью, словно собирался вот-вот войти в состояние глубокого просветления.

Он ничуть не походил на того безрассудного, несдержанного человека, каким был всего несколько мгновений назад.

Две красавицы молча удалились.

Мэн Сюэли слегка поклонился. «Приветствую, Владыка Царства».

Ху Сы поднял руку. «Садись».

В тот момент, когда Мэн Сюэли сел, он спросил: «Могу я узнать, что такое 'Уставший от Дождя' и 'Утомленный Ветром'?»

Ху Сы, казалось, предвидел этот прямой вопрос. Он лениво усмехнулся. «Не спеши. Сначала выпей чаю».

Мэн Сюэли выпил. Чай был сладким, как родниковая вода из духовного источника, но с едва заметным горьковатым послевкусием.

Ху Сы сказал: «Тебе бы сидеть на Пике Чанчунь и кормить рыбу. Что ты здесь делаешь? В пустыне нет персиковых цветов».

Мэн Сюэли улыбнулся. «Все известно, что я приехал сюда, чтобы выиграть грандиозное соревнование. Моя связь с моим дао-спутником глубока, поэтому, естественно, я должен бороться за его реликвии. Даже если шансы против меня, я должен сразиться за них».

Ху Сы покачал головой. «Этим ты можешь одурачить других, но не меня. Я не один из тех дураков в родовой святыне Хань Шаня».

На поминальной церемонии по Цзи Сяо Чжэньжэню его вдова открыто рыдала над его поминальной табличкой, и его горе трогало всех, кто был свидетелем.

Мэн Сюэли изо всех сил старался сохранить самообладание, но его резкость неизбежно проявилась. «Почему бы мне лгать? Если не из-за этого, какая еще может быть причина?»

Цзи Сяо однажды искал для него лекарство — алхимию, очищенную самим Ху Сы. Учитывая натуру Мэн Сюэли, склонную отвечать добром на добро, он должен был быть полон благодарности к Ху Сы. Тем не менее, глубоко внутри он всегда питал оттенок осторожности.

Когда он впервые встретил Ху Сы, он все еще был в своей демонической форме. Звери обладали острым инстинктом опасности.

Ху Сы однажды сказал Цзи Сяо: Демон есть демон. Их дикую природу трудно приручить. Тебе не следует связывать себя кармическими узами с этим созданием.

И вот, Мэн Сюэли намеренно притворялся послушным, клянясь в верности Цзи Сяо снова и снова.

Ху Сы отмахнулся от него, считая, что он просто напускает на себя вид, временный акт подчинения. Поэтому Мэн Сюэли потратил три года на развитие непоколебимого терпения, чтобы Цзи Сяо мог увидеть его искренность.

Но подобно тому, как птицы и звери в дикой природе постепенно принимают свои защитные окраски, со временем маскировка становится истинным «я».

Только в присутствии старых друзей, таких как Цяо Сяньмин, он открывал проблески своей истинной натуры.

«Не ложь?» Ху Сы не был оскорблен его дерзостью. Вместо этого он лениво усмехнулся, как будто услышал забавную шутку. «Глубокая и преданная любовь? Как давно ты вообще знаешь Цзи Сяо? Ты его не понимаешь. Я знал его более двухсот лет...»

Владыка Царства говорил медленно. «Бесконечное небо, вечный Пик Чанчунь — он всегда был в разладе с вещами, которые претендуют на вечность. Как небеса. Как само время. Столь высокомерный человек мог любить только свою собственную тень. Где бы он нашел место для глубокой и преданной любви?»

Услышав, как он называет Цзи Сяо высокомерным, Мэн Сюэли не мог не почувствовать раздражения. Он холодно рассмеялся. «К сожалению, я должен вас разочаровать, но я просто нравился Цзи Сяо. Я ведь был демоном. А демоны — мастера по обольщению сердец. Он был очарован мной. Мы были неразлучны, предавались удовольствиям ночь за ночью... Но дела между дао-спутниками не принято обсуждать с посторонними».

Веселье Ху Сы углубилось, расходясь по его взгляду, как волны по воде. У Мэн Сюэли внезапно возникло дурное предчувствие.

Ху Сы слегка наклонился, понижая голос, прошептал ему на ухо:

«Похоже, Цзи Сяо никогда тебе не говорил — я мастер Дао Романтики. Одного взгляда на тебя мне достаточно, чтобы сказать... твой первородный ян остается нетронутым. Ты никогда не познавал интимной близости».

Прежде чем его слова успели полностью уложиться, выражение лица Мэн Сюэли резко изменилось. Он вскочил на ноги.

Авторское примечание:

Мэн Сюэли: Ярость чистого девственника.jpg

<http://bllate.org/book/12813/1130419>